

ТЕНИ УКАЗЫВАЮТ
НА
СЕВЕР

МАРИЯ КИМ

Мария КИМ

Тени указывают на север

«Автор»

2025

Ким М.

Тени указывают на север / М. Ким — «Автор», 2025

Их истории - это части одного пазла. Судьбы гениального ученого, волею случая оказавшегося на арктической станции и обычной женщины, пытающейся усыновить ребенка; журналистки, исследующей таинственное "Общество порталов" и старухи, скрывающейся на пустынном пляже, ведут к одному финалу. Пока военные и корпорации пытаются извлечь выгоду из технологии, способной их погубить, историк-летописец на корабле "Колыбель" с последним наследием Земли пытается выяснить, что же погубило родную планету. Прошлое и будущее, Земля и глубокий космос оказываются связаны. У последних представителей человечества есть лишь один шанс выбрать новый путь.

© Ким М., 2025

© Автор, 2025

Содержание

Глава 1. Колыбель	5
Глава 2. С чего начинается цивилизация	15
Конец ознакомительного фрагмента.	22

Мария Ким

Тени указывают на север

Глава 1. Колыбель

Издали раздавался журавлиный крик – протяжный и печальный, как голос уходящего лета. Михалыч поднял голову и, прищурившись, взгляделся в зашторенное непогодой небо. Птичий клин медленно тянулся к горизонту. Журавли улетали на юг.

Михалыч тяжело вздохнул, покрепче перехватил метлу и принялся подметать взлетную полосу. На аэродроме было пустынно и как-то по-осеннему тихо. Ветер завывал в трубах заброшенного гаража, раскачивал скрипящие лопасти вертолетов и гонял по бетону окурки вперемежку с сухими листьями. Местами ржавые, местами просто грязные, самолеты стояли, поптичьему растопырив крылья и, опустив носы, по всей видимости, тоже хотели на юг.

Ветер-озорник пронизывал до костей и с завидным упорством старался запахать в безразмерную Михалычеву бороду мокрую опавшую листву и прочий малоприятный мусор. Михалычу захотелось забиться в каптерку, прижаться к батарее с жестяной кружкой горячего чая и думать, думать, думать, позволяя мыслям беспорядочно кувыряться в волнах осенней меланхолии. Обернувшись на маленький домик и загородившие его дремучие заросли, охваченные рябиновым пожаром, он с грустью вспомнил, что отопление в служебные помещения аэродрома так и не дали: может, сэкономили, а может, просто забыли, и погреться в каптерке не получится.

Сторож еще раз вздохнул и принялся подметать полосу в обратном направлении. Самолеты печально и немного завистливо смотрели ему в спину.

– Вы-то летать можете, – возразил им Михалыч, – а мне природой не дано. Нечему завидовать.

Конечно, самолеты тоже летать не могли, хотя движки были в порядке. Михалыч давно забыл, когда в последний раз с полосы поднимался хоть какой-нибудь летательный аппарат. Так и заржавеют, и никто даже не пожалеет и не вспомнит, вдруг подумал Михалыч. Нет, не летать им на этом свете. Если в другой жизни... Если только у самолетов бывает другая жизнь... Ведь должна же быть душа у тех, кто рожден для неба?

– Михалыч, дорогой, спичек не найдется? – к сторожу подбежал Зафар, суетливый и вездесущий таджик без определенного места жительства, – веришь, нет, зажигалку потерял, вот досада!

Зафар врал: не было у него никогда зажигалки, а спичками он предпочитал разжигаться за счет окружающих. Михалыч молча протянул ему коробок.

– Вот спасибо, брат! Михалыч, а рублей пятьсот до понедельника не займешь? А то веришь, нет, сестра приезжает, а обратно ее отправить – за такси нечем платить...

Михалыч виновато развел руками. Не было у Зафара никакой сестры, и насчет такси он безбожно врал. Впрочем, злиться на него было не за что: Зафар в принципе был человеком миролюбивым и в общем-то не жадным, но скверная привычка экономить за счет окружающих за годы полулегального существования неискоренимо вжилась в его натуру. Зато в хозяйстве без него было как без рук. На аэродроме Зафар совмещал должности уборщика, подсобного рабочего, начпрода и специалиста по мелким финансовым операциям, вроде ежемесячного выбивания зарплаты у бухгалтерии.

– Зафар, а продукты опять не завезли? Сухпайки будем вскрывать?

– Ну, что ты, брат! Разве же я когда-нибудь позволял вам питаться этим безобразием? – видимо, немаленький запас сухпайков был позаимствован и распродан каким-то нуждающимся, – мясо на обед будет. Шашлык.

– Шашлык? Какой шашлык? – удивился сторож.

– Барашка шашлык, – Зафар улыбнулся во все 32 зуба, – барашек молодой, только вчера бегал!

– А откуда барашек? – только сейчас Михалыч заметил, что овечьего навоза на взлетной полосе гораздо меньше, чем обычно, – ты что, нашу овцу зарезал?

– Почему так плохо думаешь? – Зафар весьма натурально изобразил горькую обиду, – во-первых, овца не наша, – начал он загибать пальцы, – во-вторых, их тут еще много по кустам, а в-третьих, я ее даже не резал, сама шашлыком стала, не веришь?

– Это как? – не понял Михалыч. Зафар сегодня был в ударе и врал через слово, впрочем, слушать его рассказы, порой, было одно удовольствие.

– Да я Ан-2 проверял, двигатель запустил, а барашек глупый был, близко ходил – вот ее и... Крышку открываю, а там шашлык, веришь, нет?

– Не верю, – отрезал Михалыч.

– Да ладно, Михалыч-брат, что ты как без зарплаты неделю, я же об общей пользе беспокоюсь! Завтра комиссия по безопасности труда приедет, чем их кормить будем? Голодная комиссия – злая комиссия, а как покушают, подберют. Может, еще прибавку за вредность сделают, – заговорщически подмигнул Зафар.

К оптимистичным прогнозам начпрода Михалыч отнесся весьма скептически – комиссия приезжала не впервые, и особой вредности не находила, а если надбавку и делали, то за вычетом из зарплаты тех же сотрудников.

– Не сделают, – поразмыслив, заключил Михалыч.

– Чем жизнь не шутит, – философски заметил Зафар. – Ты, вот что, – хитрая физиономия оказалась возле самого Михалычева уха, – когда шум измерять будут, двигатели на полную запусти, ну, как ты умеешь – чтобы воробьи над аэродромом попадали. Может, тогда проникнуться.

– Да что тебе, зарплаты не хватает? – начал злиться Михалыч, – ты же воруеть в десять раз больше, чем получаешь!

– Почему так говоришь? – всплеснул руками Зафар, – я честный таджик!

– Ты?! – Михалыч вдруг вспомнил овцу, ежедневно гулявшую по аэродрому – создание туповатое, но простодушное, и какая-то беспричинная боль начала покалывать его под ребро, – ни стыда, ни совести! Денег нет, да и тратить их некуда, пора бы уже привыкнуть! Думаешь, что умный, а вот нет! Умные люди аэродромы целые воруют, а не обмотку в цветметалл таскают!

– Михалыч, да что ты сегодня, как укушенный? – то ли восхитился, то ли обиделся Зафар, – ты давай, говори, будешь барашка, нет?

– Давай своего барашка, – махнул рукой Михалыч. Злость быстро отпустила.

– И вот еще что, – Зафар снова перешел на шепот, – прекращай сам с собой-то разговаривать. Начальник сказал, еще раз увидит – на пенсию отправит без разговоров.

Михалыч понимающе кивнул. Никуда он его не отправит: замены нет. Зафар кого-то заметил и деловой походкой поспешил в каптерку. Михалыч обернулся: по бетонной дорожке шел начальник.

Начальником инженер с необычным именем Эдуард был неофициально. Настоящий начальник появлялся на аэродроме только летом и только, когда была серьезная работа – то есть чрезвычайно редко. Эдуард с замещением вполне справлялся. У него были золотые руки, отличная дисциплина и скверный характер – большего в управлении и не требовалось. Непогожей осенью они оставались на аэродроме втроем: Зафару доверялся мелкий ремонт, Михалыч следил за самолетами. Мог в случае чего подлатать и вертолеты, но самолеты ему нрави-

лись больше, кроме, пожалуй, Ту-134-ых. Не любил он эти крупногабаритные туши да и не работал с ними никогда. Эдуард занимался всем понемногу и очень не любил, когда сторож начинал чудить.

– Эй, Михалыч, что стоишь, лужи подметаешь? Заняться нечем?

– Да как же нечем! – немедленно отозвался Михалыч, – вот сейчас пойду на «Яке» двигателя прогоню...

– Это еще зачем?

– Да как же... консервация. – Смутился Михалыч.

– А, – начальник наморщил лоб, – «Як-12» я же вчера запускал. Давай на Ми-8 бегом.

Сам Эдуард помчался к МИ-26 – на прошлой прогонке двигателя задымили, и надо было разобраться в проблеме. Михалыч совершенно не понимал, к чему такая суета. Кому нужен десяток списанных самолетов и пара вертушек? Кому нужен этот забытый и брошенный аэродром? Кому нужен он, бессменный сторож всевозможного металлического хлама? «Я старею, – с беспросветной иронией подумал Михалыч, – я многое видел и многое знаю, но мои знания никому не нужны. Я видел, как люди, вдохновленные одними словами, из ничего строили светлое будущее, как в небо поднимались самолеты, с детства видел. Я хотел подняться с ними, но у меня не было крыльев, и сейчас нет. А если бы и были – что с того? Я слишком тяжелый».

По дороге на площадку, Михалыч завернул в кусты и набрал полные карманы подмерзших рябиновых ягод. Вблизи рябина совсем не походила на осенний пожар. Вблизи это было просто дерево – мокрое и очень уставшее. Оно хотело зимы, потому что после зимы будет весна и будут новые листья. Старые уже никуда не годятся.

«Рябина вкусная, потому что горькая, – подумал Михалыч, устраиваясь в кабине вертолета и набивая рот ледяными ягодами, – рябина вкусная осенью, не потому что заморозки, а потому что осенью мы хотим плакать. Иногда надо просто немного поплакать, и все пройдет. Только я так не умею».

Автоматически, заученным движением Михалыч отключил генераторы. «*Сеть на аккумулятор*» – «*запуск двигателя*» – «*зажигание*».

«Рябина вкусная, потому что горькая. Я люблю горькую рябину. От сладкого болят зубы».

Включить преобразователь. Открыть пожарные краны. Запустить топливные насосы. Внутри что-то затарахтело. Вертолет начал оживать.

«Старые листья никуда не годятся. После нас будут новые листья. Мы не останемся прежними. Мы будем другими, и у нас будут крылья. Но зачем нам крылья? Чтобы научиться летать, нужно иметь смелость прыгать с открытыми глазами. Проблема в том, что тебе никто точно заранее не скажет – упадешь ты или нет».

Растормозить несущий винт. Запуск.

Двигатель заработал. Михалыч закрыл глаза.

«Я видел, как взлетали самолеты. Они взлетали и падали. Я не взлетал с ними, потому что боялся упасть. Я видел, как рождались люди, и видел, как они умирали. Я видел жизнь, и она мне не понравилась. Я устал».

Винт раскручивался все быстрее – автоматика обрабатывала цикл. На секунду ему показалось, что машина сейчас взлетит, но она как стояла, так и осталась стоять. Кабина мелко вибрировала, шум закладывал уши.

«За шум компенсацию по-хорошему получать надо. Где Зафар со своим барашком? Жрать охота...»

Частота вращения стала еще выше. Отключилось питание стартера. Михалыч, не открывая глаз, положил руку на выключатель генератора, запуская второй двигатель. Скорость вращения достигла предела. Шум заполнял пространство кабины, добирался до внутренностей,

бил по барабанным перепонкам, проникал в мозг и гасил, гасил всю боль от воспоминаний прошлого.

«Я лечу. Неважно, что вертолет на земле, я лечу. Когда я умру, меня похоронят здесь. Попрошу Эдуарда, пусть мне на могилу поставит турбину или крыло от кукурузника – что найдет. Он, конечно, скажет, что я сошел с ума. Так все скажут. А я буду смотреть сверху и улыбаться. Пусть я никогда в жизни не летал. Я помогал взлетать другим».

– Михалыч! Ми-ха-лыч! – Эдуард стоял под винтом и размахивал верхними конечностями, привлекая внимание задремавшего сторожа.

– А? – Михалыч сфокусировался на рослой фигуре начальника.

– Гаси двигатели! ...ал уже казенный керосин жечь!

Михалыч поспешно прервал запуск и вывалился из кабины.

– Ты что тут за представление устроил? Пол-аэродрома чуть ветром не снесло! Не мог холодной прокруткой ограничиться?

– Так ведь консервация, – пожал плечами Михалыч.

– А было бы что консервировать... – Эдуард махнул рукой, – тебя бы в спецназ порекомендовать. Как специалиста по светошумовым диверсиям.

– Ой, Михалыч! – Зафар выполз из сторожки и теперь отчаянно привлекал к себе внимание интенсивной жестикуляцией, – хорошо летел, в Москве слышно было! Завтра чиновникам такое шоу устроишь – респект тебе будет!

– Тебе лишь бы чиновников пугать, ...л! – прикрикнул на него Эдуард, – Михалыч, заглушки на место и бегом к 26-му, с инструментами. И огнетушитель на всякий пожарный возьми!

Эдуард исчез так же неожиданно, как и появился.

Михалыч резко наклонился, чтобы поднять заглушку с земли, и в глазах у него потемнело. Не выпуская заглушки из рук, он аккуратно приземлился на траву и начал разглядывать просветы в пасмурном небе. Несмотря на тучи, оно казалось пронзительно чистым и тугим, как струна, и даже немножко звенело. Хотя, возможно, небо было и ни при чем, а звенело у Михалыча в ушах. Черная нитка журавлиной стаи потянулась к южному краю горизонта. Птицы летели нестройно, то разбиваясь на пары, то вытягиваясь в струну – наверное, это опоздавшие пытаются нагнать своих, подумал Михалыч. Ему вдруг захотелось вскочить, замахать руками, закричать что есть силы: «погодите, я с вами, возьмите меня с собой!». Сквозь стихающий звон до ушей доносились обрывки жаркого спора между начальником и Зафаром.

– Да что вы, мой дорогой, постоянно думаете на меня! Я честный человек, и знать не знаю, куда девается ваше имущество!

– Не мое имущество, Зафар, а государственное, понимаешь ты это?

– Как не понимать! Я одного не понимаю, на какую головную боль вам сдалось государственное имущество? Уж, наверное, такое мудрое правительство и без нашего участия позаботиться о своем обеспечении!

– Не смешно, Зафар! Завтра комиссия, а у нас 30 единиц парашютных комплектов не хватает! Учти, штрафы я вычту из твоей зарплаты!

– Так за что же! Эти парашюты я еще позавчера на просушку выложил, выхожу – а их ветром сдуло!

– Что, все тридцать комплектов?

– Веришь – нет, все как есть! Я за ними бросился, а они стропами махнули и все, как один, улетели – на юг!

«И их печальные голоса растаяли в вышине...»

–

Это же парашюты, а не журавли, Зафар! В общем, как хочешь, а чтобы завтра недосдачи не было.

– Да какой вопрос, начальник! В гаражах брезент возьму, нарежу сколько надо – самые лучшие парашюты: приземлишься, как гаечка, даже испугаться не успеешь!

Крик журавля напоминает смех младенца – тихий и переливчатый, и какой-то печальный. Крик журавля – это песня прощания. Это последняя колыбельная, из тех, что поют младенцам и умирающим. «Подождите, не улетайте!» Они вернутся, но листья уже будут другими.

– Михалыч, где тебя носит! Хватай инструменты и тащи сюда – левый движок накрылся!

Михалыч неспешно поднялся с травы и огляделся. Вокруг стояли самолеты – десятки нелетающих крылатых машин. Рассыпающиеся ржавые скелеты, они возвышались молчаливыми памятниками своему журавлиному прошлому, совсем по-птичьи растопырив крылья, и отчаянно не хотели умирать. Каким-то неведомым чувством пережитого времени Михалыч вдруг осознал, что люди стареют даже быстрее, чем вещи. Что, все, что останется от вещи – это горсть пепла и воспоминания о ней. А воспоминания о человеке всегда будут связаны с его внешностью и поступками – запомнится походка, морщины на лбу, добродушная улыбка или же вечно озабоченное выражение лица. Наш собственный неповторимый и неузнанный образ навсегда останется нашей тайной.

Человек стоял посреди взлетной полосы и смотрел на самолеты, а самолеты с мольбой смотрели на человека, раскинув крылья, и беспросветно и отчаянно хотели на юг. «Рано нам улетать, – сказал самолетам Михалыч, – не доросли еще».

Слева раздался оглушительный хлопок, со стороны Ми-26 отчетливо понесло дымом.

– Михалыч, твою мать! Бегом сюда, тащи огнетушитель!

Но Михалыча уже не было ни на взлетной полосе, ни на аэродроме, ни в нашем измерении. На месте, где стоял Михалыч, оседала пыль, создавая очень точную двухмерную проекцию Михалыча. Если бы пыль изучили физики-теоретики, они бы называли ее “квантовой тенью”. Совершенно непредсказуемым образом в соответствии с *Принципом Неопределенности* Михалыча поглотил *Портал*.

Широкой аудитории хорошо известно, что в космическом вакууме не слышно звона колоколов, как бы набожные прихожане не желали, чтобы он достиг неба. Однако прокатившийся в пространстве радиосигнал можно было бы назвать похоронным звоном. В сущности это был последний радиосигнал, переданный цепью ретрансляторов с Земли. Последовавшая за ним тишина означала, что цивилизация Земли погибла. И немногочисленные свидетели этой заупокойной мессы один за другим начали просыпаться.

Корабль, для которого предназначались сигналы, носил символическое название “*Колыбель*”. Радиосигнал “укачивал” *колыбель*, поддерживая холодный сон в пяти капсулах на борту корабля. Когда колыбель перестали раскачивать, младенец в ней проснулся: бортовые системы разбудили всех пассажиров. Меня в том числе.

Обращаясь к тебе, читатель, я буду называть тебя “*ученик*” и “*судья*”. Учеником я буду звать тебя потому, что мое повествование о последних мгновениях Земли должно научить тебя нескольким важнейшим вещам. Судьей же ты назначен, поскольку именно тебе, мой читатель из будущего, предначертано вынести приговор цивилизации планеты Земля. Я же в своем повествовании буду бесстрастен, как и подобает *Летописцу*. Впрочем может оказаться так, что и Судья, и Ученик будут родом из прошлого, а не из будущего. Почему я в этом не уверен, станет известно в последующих главах этой *Летописи*.

Я уже представился тебе, Ученик и Судья. На страницах этой книги я буду называть себя *Летописец*. Однако моя роль в миссии “*Колыбели*” далеко не так важна.

Первой проснулась *Мать*. Мать была единственной женщиной на корабле (замороженных эмбрионов женского пола я в расчет не беру). Ее задача была простой. Мать должна опла-

кивать могилу Земли. Матери нельзя ложиться в холодный сон. Бортовые системы тщательно следят за здоровьем Матери. Мать научит первое поколение *Внеземлян* ценностям культуры ныне погибшей Земли. Когда срок жизни Матери подойдет к концу, она станет первым прахом, погребенным на Новой Земле. К этому времени мы должны найти себе новый дом.

Вторым был разбужен *Ученый*. Его задачей стало всестороннее изучение законов Вселенной. В былое время, дорогой Ученик, такие ученые назывались философами. Они в равной степени занимались математикой, медициной и естественными науками. Когда знаний в каждой области накопилось столько, что человеческий разум не мог их усвоить за короткую жизнь, философы стали делиться на *Специалистов*. Затем наступил кризис. Специалисты все меньше понимали друг друга. Они даже перестали разговаривать на одном языке. У каждой науки появился свой язык и он в равной степени был родственен многим языкам Земли и не принадлежал ни одному из них. Если бы не машины, человечество навсегда потерялось бы в лабиринте знаний. Но машины взяли на себя труд знания и анализа. Так вновь появились философы.

В распоряжении Ученого были все научные инструменты Колыбели. Так как объем вычислений требовал много времени, Ученый мог дать задачу компьютеру и залечь в холодный сон до окончания вычислений. Что он и сделал.

Воин был полной противоположностью Матери. Если Мать должна воплощать идеал человечества, Воин представлял его худшую, но необходимую сторону. В нашем путешествии могут встретиться самые разнообразные опасности. Мы можем вступить в конкурентную борьбу с другой жизнью и сделать трудный выбор. Выбор означает гибель иной жизни, препятствующей нам. Законы машинной этики запрещают навязывать роботам моральный выбор. Поэтому решение должен принимать человек. Мать не может погружаться в холодный сон. В обычных обстоятельствах Воин не должен просыпаться. Доказано, что необходимый выбор с дихотомией неверных решений, пагубно влияет на ментальное здоровье. Машины он разрушает и вовсе. Находясь под давлением решения, человек может сойти с ума и тогда в следующем кризисе он будет бесполезен. Воина следует разбудить в случае возникновения дилеммы, дать ему в руки оружие, а после погрузить в холодный сон.

Я заметил, читатель, что временами забываю, для кого пишется моя летопись. Я должен держать в памяти, что ты, почтенный Судья, можешь быть и из прошлого. Тогда мне необходимо объяснить тебе, как зародилась машинная этика. На заре эры машин, когда компьютеры едва-едва научились принимать решения, они немедленно стали внедряться в сферы, требующие предельной концентрации, каковой от человеческого мозга не так-то просто добиться. Порой, решая эти задачи, машины сталкивались с выбором. Первым таким случаем, подсказывает мне машинная память, стала катастрофа с беспилотным автомобилем. В создавшейся ситуации интеллекту автомобиля следовало сделать выбор: сбить старика или младенца. Автомобиль выбрал старика. Навряд ли он руководствовался ожидаемой пользой того или другого индивида для общества. Скорее такова была обстановка, что шансы выжить для объекта А (старика) были меньше, чем для объекта Б (младенца). Люди были возмущены решением интеллекта. Однако их напугал не сам выбор, а его возможность. Люди доверяли машинам, но хотели, чтобы за каждую ошибку ее автор понес должное наказание. Машина не может быть наказана, поскольку у нее нет чувства вины. Так появился консенсус машинной этики: *машина не должна принимать участие в решениях, результатом которых могут быть человеческие жертвы*.

Следующим пробужденным был *Администратор*. У Администратора была очень важная роль. Когда человечество найдет себе новый дом, он должен приложить усилия, чтобы сделать

дочернюю цивилизацию Земли поистине великой. Воздвигнуть монументы и запустить проекты, возвеличивающие человечество.

Однако ознакомившись с заданием, Администратор сошел с ума и попытался выбраться в открытый космос. Машины спасли его, и тогда Администратор попытался взорвать корабль. Тогда машины разбудили Воина, и он засунул Администратора в холодный сон. Там он и остается до сих пор.

Я стал последним пробудившимся и самым одиноким человеческим существом во Вселенной. Все мои соратники спали холодным сном. Мать за время нашего странствия не проронила ни слова, а только пела печальные песни по погибшей Земле. В такой обстановке я и пишу свою Летопись, временами обращаясь к машинной памяти, пока компьютер изучает причины катастрофы, погубившей землян.

– Что же это такое? Как мы могли до такого докатиться? – Аудитор ходил из угла в угол, по пути совершая различные мелкодеструктивные действия: ощипал гортензию на окне, уронил несколько книг с полки, раскрошил оставленные секретаршей хлебцы для похудения.

Когда хаос, порождаемый Аудитором, значимо повысил энтропию в кабинете, Инженер осмелился его прервать.

– Голубчик, я решительно не понимаю ваших терзаний! Разве в предоставленном образце что-то не соответствует техническому заданию?

Аудитор за один шаг преодолел разделявшую их комнату и навис над Инженером. Сотворенный им микровихрь колыхнул занавеску.

– А вы сами не видите? Это женщина!

– Отнюдь. – Спокойно сказал Инженер. – Это не женщина и не мужчина. Это киборг. Он бесплоден.

– Вы прекрасно понимаете, о чем я говорю! У этого киборга внешность женщины!

– А вы кого ожидали увидеть? В техническом задании о внешности не было ни слова. “Человекоподобный” – и все. Женщина – это человек.

– Потрясающе! Давайте поговорим о правах женщины и человека! Вы прекрасно знали, что образец предназначен для международной выставки военных технологий. Очевидно это должен быть мужчина. . . – внезапно Аудитор схватился за голову, – все это свалится на меня! Они решат, что я безответственный шутник. А на самом деле, шутник это вы!

– Позвольте. – Вновь прервал его Инженер. – Я опишу вам все преимущества внешности прототипа. Вы знаете, кто чаще всего успешно провозит контрабанду? Женщины! У женщин есть сумочка, куда помещаются самые разнообразные вещи, и косметичка, куда помещаются самые разнообразные вещества. Женщины непосредственны. Они милы. Женщины не вызывают подозрения. Особенно красивые женщины.

– Ну уж ваш прототип никак нельзя назвать красивым! – истерически хохотнул Аудитор.

Он не врал. Объект их дискуссии не обладал модельной внешностью. Это была кукла среднего роста, то есть по современным стандартам красоты – низковата. По тем же стандартам бедра ее были слишком широки, а грудь слишком узка. Безусловно красивым в ней были только три вещи – кожа, зубы и волосы.

– Вам так кажется, потому что она деактивирована. Эффект “зловещей долины”. – Разговорился инженер. – Позвольте я ее включу!

В девушке-кукле произошли микроскопические изменения. Ее лицо расслабилось, губы изогнулись. Что-то резко изменилось в настроении аудитора. Он вдруг понял, что девушка красива. Что она красивее всех актрис, которых он видел по телевизору, и всех женщин, с которыми когда-то встречался.

– Эффект “зловещей долины” оказалось преодолеть очень просто, – продолжал щебетать Инженер, – вы замечаете легкую асимметрию в ее лице? Не замечаете? Это потому, что она очень небольшая. Однако если мы сейчас разделим ее лицо пополам зеркалом, так, чтобы правая половина соприкасалась со своим отражением, вы ощутите разницу!

– Прекратите сейчас же! – взбесился Аудитор, – ваша болтовня вам не поможет! Вы потеряете свой пост также легко, как и получили! Вы навсегда запомните, кого нам пытались продать!

Лицо Инженера всегда было лицом простодушного добряка. Тут же оно совсем обмякло, Инженер чувственно развел руками и сказал:

– самого прекрасного убийцу в мире!

После этого судьбоносного разговора киборга законсервировали и отправили на склад. Ему предстояла долгая дорога на поезде. Однако охранявшие груз солдаты проиграли работа в карты. Никто из них понятия не имел, для чего предназначалась кукла. Изучив сопроводительные документы, новый владелец киборга понял, что кукла может очень органично изображать человека, и продал ее своему знакомому – владельцу антикварного магазина. Купил он ее за копейки – военные потратили на разработку намного больше.

На закате скала отбросила длинную тень, разделившую пляж на две равные половины. На солнечной еще можно было загорать, на теневой уже появились первые ночные насекомые. Маленький паук пересек линию терминатора и запутался в волосах выброшенной на берег девушки. Волосы эти так тесно переплелись с водорослями, что можно было уверенно сказать: тело девушки долго носило море, прежде чем выбросить на пляж. Впрочем паук из-за своих размеров не мог воспринимать девушку как некий цельный объект. Он выпутался из волос и отважно продолжил свое путешествие по ее лицу. Когда паук оказался на носу, девушка чихнула. Паука сдуло обратно на песок и он заспешил в тень.

Когда Ирвин проснулась, было уже поздно. Верхняя кромка солнца алела над самой водой. Она лежала прямо на песке, а над ней колебалась зеленая маскировочная сетка. Вечерний бриз неприятно охлаждал сухую от соли кожу. Рядом с Ирвин оказался кувшин. Кувшин явно тоже выбросило когда-то на берег. Он оброс ракушками и хозяйка не торопилась его чистить. Ирвин сделала глоток и поняла, что в кувшине сильно разбавленное вино. Она пила долго и жадно, пока старуха в зеленом не выдернула кувшин со словами “не лопнешь, барышня?” Затем старуха вернулась к какому-то вареву, которое готовила на полевой кухне. Это было летнее жилище старухи. Зимой она побиралась в городе.

– Я искала тебя. – Прохрипела Ирвин. Несмотря на выпитое вино, в горле было совсем сухо.

Старуха промолчала.

– Я искала тебя. – Упрямо повторила Ирвин.

На этот раз старуха обернулась. В сумерках ее глаза загорелись, как у кошки.

– Зачем? – сухо поинтересовалась старуха.

– Дела Общества... – прохрипела Ирвин.

– У меня нет никаких дел с Обществом! – отрезала старуха. Она достала из корзинки рыбу и принялась ее чистить большим ножом.

Дым от костра полевой кухни шел ей прямо в глаза. Глаза старухи слезились, но она упрямо не отворачивалась. Девушка приподнялась на локтях. Она пропела несколько фраз на неведомом древнем языке. Старуха вскинула голову – глаза ее были такие же зеленые, как и платье. Она ответила ей на том же языке высоким фальцетом.

– Аластрион! – закричала Ирвин.

– Это не мое имя! – гневно ответила старуха, – я *Та Кто не оставляет Следов*. Ты зря искала меня.

Девушка вскочила и побежала навстречу волнам, скрывшись в море вместе с последними лучами солнца.

– Пусть рыбы сожрут твою дурную голову! – сплюнула старуха.

Арбат готовился к Рождеству. Повсюду была ель и гирлянды, щедро присыпанные снегом, из-за дверей бесконечных ресторанчиков играла музыка. Виталина шла по многолюдному по случаю выходных переулку и внутри у нее был пусто. К вечеру подморозило. Надо было надеть термобелье. Мама всегда говорила, что если застудить ноги, детей не будет. Но теперь уже можно. Да и мамы давно нет.

Виталина все знала заранее. Знала сколько денег заработает и потратит в этом году. И в следующем. И то что будет богата и хорошо заработает, Виталина знала еще в детстве. И что у нее не будет мужа она тоже знала. Детей Виталина не хотела. А когда захотела, сказали, что уже поздно.

Один единственный свободный столик на все многообразие ресторанчиков Арбата нашелся в баре “Калифорния” и был он свободен, потому что со входа сквозило ледяным воздухом. Еда, что принес раскрасневшийся официант, тоже была холодной. Виталина знала, что его сегодня продует и завтра он придет на работу уже с больной поясницей также хорошо как то, что она не будет делать ЭКО.

Милочка-репродуктолог была образцом всего женственного. У нее была идеальная укладка и длинные как у ведьмы алые накладные ногти. Милочка показала снимки УЗИ и сказала, что яйцеклеток почти не осталось. “Разумеется, можно сделать стимуляцию, спунктировать фолликул, – тараторила Милочка, подавая Виталине Петровне чашку кофе, – может, даже получится. Понимаешь, самое сложное этот фолликул найти. Найдем подходящего донора, подсадим зародыш... Были бы деньги, а здоровье подправим”, – подмигнула Милочка. Денег у Виталины Петровны хватало. Хватало и мозгов, чтобы понять: одна попытка будет следовать за другой, но организм, убитый хроническим стрессом, отвергнет всех детей из пробирки. Детей от мужчины, которого она никогда не встретит. Виталина Петровна отблагодарила Милочку дорогущим односолодовым виски, к которому Милочка питала слабость, но по причине ее феминной внешности, мало кто из пациентов дарил Милочке “мужской” алкоголь. Если бы Виталина Петровна согласилась на ЭКО, Милочка без сомнений напросилась бы в крестные. Но она отказалась. Она будет усыновлять ребенка.

В темноте к жилищу старухи прокрался посетитель. Это был худой и скрюченный мужчина, похожий на сумеречного паука. Когда старуха зажгла фонарь, он отшатнулся от света, прикрывая лицо.

– Готово? – спросил посетитель шепотом, хотя на пустынном пляже, ярко освещенном луной, они были только вдвоем.

– Готово. – Сказала старуха и швырнула рыбу в свое варево.

Посетитель потянулся за котелком и получил от старухи по рукам.

– Сперва скажи, для кого это.

– Неважно. Деньги уплачены! – заявил посетитель.

– Если это твоя жена, ты умрешь той же смертью, что и она. – Заметила старуха и ее глаза вновь засияли, как два нефрита.

Посетитель одернул руку и завопил:

– Ты лгунья!

– Я не убиваю женщин. – Надменно сказала старуха.

– Верни деньги! – затрясся посетитель.

– Вот твои деньги! – старуха швырнула ему под ноги нож для чистки рыбы и пробормотала, – я его купила сегодня на рынке...

Но посетитель расценил ее жест иначе и, петляя, помчался по пляжу. Он старался попасть в тень, но луна беспощадно выслеживала его.

– Стоит подложить ему завтра нож под подушку, забавная будет шутка, – пробормотала старуха и засмеялась.

Глава 2. С чего начинается цивилизация

С чего начинается цивилизация? Этот вопрос не так прост, и я начинаю с него свое исследование. Машинная память подсказывает мне несколько эпизодов. Я перечислю их все.

На южном побережье Каспийского моря трудолюбивые археологи, наконец, обретаю успех. Их награда – могила с останками жителей древнего Парфянского царства. Среди них хорошо сохранившийся скелет, керамический сосуд со следами копоти и птичьими костями внутри, наконечники копий, кинжал и нож с изогнутым лезвием. Археологи уверены, что именно ритуал захоронения определяет цивилизацию. Когда ты отправляешь своего родича в царство мертвых с припасами, ты объективно глупее обезьяны, но определенно цивилизованнее ее. Археологи еще не знают, что обнаружили другой признак цивилизации – внутри кости мертвого мужчины находится наконечник стрелы, изготовленный из железа. Специализированное оружие, способное проникнуть глубоко в кость – это признак цивилизации. Мастерство хирурга, сумевшего его извлечь – признак цивилизации. Интерес археологов к могилам, костям и древнему железу – признак цивилизации.

Машинная память подсказывает мне еще один эпизод. Высокий морской обрыв. На краю заброшенной мясной ямы сидит мужчина и в бинокль наблюдает за китами. За его спиной лают на привязи ездовые собаки, под ногами валяются старые черепа моржей. Наблюдение ведется сотни лет. Старики сменяют друг друга, делятся знаниями, подсчитывают китов и берут пробы мяса у охотников. Сегодня что-то не нравится им в запахе мяса. Мясо пахнет спиртом и желудочным соком. Запах неприятный, вьедливый. Старики приказывают выбросить печень и почки кита. Они отравлены. Они опускаются на мертвое дно, покрытое белым слоем гниющей органики. От погибших водорослей остались одни остовы. Старик продолжает наблюдать за морем и к его ногам прибой выбрасывает морских птиц.

Запах свернувшейся крови, окурков и канцелярского клея. Место, где бюрократия пропитывается запахом человеческих выделений и несет его на самый верх – в чистые кабинеты, где прежде стояли чернильницы и висели портреты государя-императора, а нынче одни государственные флаги и зарешеченные окна. На первом этаже этого уютного заведения, по соседству с учинившим поножовщину гасторбайтером, которому в ходе следственных мероприятий случайно разбили нос, и оказалась журналистка Анастасия, задержанная по подозрению в занятиях “ночных бабочек”. Впрочем Анастасия на судьбу не жаловалась и мило болтала с дежурным о странных делах, что творятся в железнодорожном районе. Дежурный уверял ее, что в районе все благополучно и даже последняя представительница древнейшей профессии задержана и ведет с ним светскую беседу. Девушка нравилась дежурному. Смушал его тот факт, что он только накануне завершил курс лечения у венеролога.

Анастасии все же удалось выяснить, что в тупике железнодорожного депо часто появляются пугающе реалистичные граффити, изображающие всевозможных монстров. Полиция так пока и не изловила художников-вандалистов.

Эту милую беседу прервал следователь, который узнал в Анастасии сотрудницу скандально известного журнала “Эзотерика” и приказал выдворить ее, пока биографии полицейских не появились в местных СМИ со всеми пикантными подробностями.

Однако Анастасия продвинулась в деле поимки вандалов намного дальше полицейских и уже на следующий день стояла возле скромного офиса с табличкой “Общество порталов и проходов”. Табличку, стоя на стремянке, поправлял забавный толстячок в круглых, подстать его подбородку, очках. Стремянка под ним опасно колебалась.

– Портал и проход это синонимы. – Сказала Анастасия. – Нечего без толку усложнять название. И так ничего не понятно.

Шаткое равновесие толстяка нарушилось. Он пролетел добрых два метра, упал в кусты и выбрался из них с весьма деловым видом.

– Между порталами и проходами семантическая разница, – важно сказал человек, – *портал* – это, как бы вам сказать, отверстие, а *проход* – акт перемещения в этом отверстии. Я ясно выражаюсь? – тут толстяк посмотрел на журналистку новым взглядом и представился, – Долгушин.

– Анастасия, – представилась журналистка, – как я могу к вам обращаться?

– Долгушин. – Вновь повторил человек. – Вы интересуетесь делами Общества?

– Я представляю журнал “Эзотерика”, – сказала Анастасия.

– Нет такого журнала, – сказал Долгушин, – я выписываю всевозможные журналы по эзотерике.

– Он закрылся месяц назад, – объяснила Анастасия, – пока что я работаю на себя.

– Тогда осмелюсь предложить вам чаю, – сказал Долгушин, – в работе на себя некогда и не на что бывает пить чай.

В каморке, представлявшей офис “Общества”, царил дух вахтерской идиллии. Закрытый салфеткой с рюшечками телевизор составлял центр композиции. Долгушин вскипятил электрический чайник и налил кипятка, щедро приправленного известью, гостье. К “чаю” полагались посыпанные тальком карамельки и окаменевшие тульские пряники.

– Начну издаека, – сказал Долгушин, – во вселенной существуют *Порталы*.

“Он точно ударился головой”, – подумала Анастасия. За окном пошел снег и в “офисе” стало уютно. Тем не менее журналистка нащупала на дне сумочки перцовый баллончик.

– Я затрудняюсь объяснить физическую природу Портала, – сказал Долгушин, – Обществу давно не хватает порядочного физика-теоретика.

Анастасия кивнула. Работая на “Эзотерику”, ей часто приходилось брать интервью у духовно одаренных личностей, однако Долгушин на первый взгляд к ним не относился. Он излагал свою бредовую теорию так спокойно, словно речь шла о трех законах Ньютона на школьном уроке.

– Известно, что Порталы открываются лишь однажды. Пропустив путешественника, они навсегда закрываются. Поэтому мы называем этих первопроходцев “*последпроходцами*”.

– Остроумно, – сказала Анастасия и мило улыбнулась. – А куда открываются Порталы?

– О, куда угодно! – воскликнул Долгушин, – в любое место во Вселенной. Чаще всего – просто в космический вакуум. Никким образом нельзя предсказать, куда откроется Портал. Теперь вы понимаете значение слова “*последпроходец*”?

Анастасия нервно хихикнула.

– Можно предположить, что все, кто воспользовался порталом, чтобы оказаться на нашей планете – инопланетяне?

Долгушин важно кивнул.

– Я и сам – как это вы сказали – инопланетянин.

– Вы выглядите, совсем как человек. – Заметила журналистка. – У вас есть какие-то нечеловеческие способности?

Долгушин снова кивнул.

– Я создаю монстров.

В комнате стало тихо. Маленький телевизор без всякого предупреждения включился и стал передавать “Голубой огонек”, хотя до Нового года было еще далеко.

– Вы про нарисованных монстров в тупике? – вернулась к теме разговора Анастасия.

– О, они не нарисованы! – воскликнул Долгушин, – они просто испарились.

– Потрясающе. – Сказала Анастасия. – А вы сможете... ну, для меня создать монстра?

– Не могу, – печально сказал Долгушин, – мне тогда придется его ловить.

В комнате вновь стало тихо. Телевизор, решив, что никто все равно не обращает на него внимания, замолчал.

– Какова цель вашего визита? – спросила Анастасия.

– Меня сослали. – Уныло сказал Долгушин.

– О, так на вашей планете вы известный преступник?

– Неизвестный. Просто преступник.

– Какое же преступление вы совершили?

– Я не исполнил своего предназначения.

– И каково было ваше предназначение?

– Создавать монстров.

Интервью зашло в тупик. Долгушину явно больно было вспоминать, у Анастасии же закончились приличные случаю вопросы.

– Где находится ваша планета? – наконец, спросила она.

– Не могу вам объяснить. – Покаянно вздохнул Долгушин. – Я ведь не астрофизик.

– Тогда расскажите, каково устройство общества на вашей планете?

– Мы живем в полностью автономных искусственных экосистемах. – Охотно пояснил Долгушин. – Наша планета абсолютно не приспособлена для жизни.

– Как же тогда на ней зародилась жизнь?

– И этого я не могу знать, милая барышня. Я ведь не историк. Из-за того, что искусственные экосистемы очень хрупкие, мы не можем себе позволить таких излишеств, как незапланированные дети. Все дети еще до рождения получают миссию. Им даются подходящие случаю способности. Я воплощаю фантазии людей.

– Голографически?

– Вы слишком умны для журнала “Эзотерика”. – Покачал головой Долгушин. – Попробуйте себя в рубрике “Наука и жизнь”. Я, милая барышня, создаю существ из плоти и крови.

– Но вам для этого нужно вещество!

– Оно повсюду в избытке.

– И энергия!

– И ее хватает.

– Тогда почему вы не напечатаете денег и не переедете в офис поприличнее?

На этот вопрос Долгушин отвечать не стал. Он посмотрел на часы и озабоченно сказал:

– Мне пора.

– Когда у Общества следующее собрание? – спросила Анастасия.

– Мы больше не собираемся. – Сказал Долгушин.

Погода поменялась внезапно. Только что стояла жара, на городском пляже купались взрослые с детьми, белые катера рассекали гладь водохранилища, а с прогулочной яхты доносилась музыка и аппетитные ароматы. Но стоило подуть холодному ветру и начаться дождю, как пляжи опустели, катера куда-то пропали, а яхта легла на бок и несколько человек, а также бутылка дорогого вина и радиоприемник полетели в воду.

Ирвин мужественно продолжала грести на своей маленькой надувной лодке. Дождь, хлеставший в лицо, приносил облегчение обгорелой коже. Наконец, ветер сменился и погнал лодку мимо коттеджей, занявших всю прибрежную полосу. Между заброшенным пионерлагерем и огромным домом, похожим на военную базу, Ирвин свернула в канал, проплыла под мостом и причалила к безымянному острову, где решила заночевать.

Она перевернула лодку, вылила из нее воду, натянула тент под огромной сосной и приготовилась провожать солнце.

Низко над водой пролетели две цапли и затаились в плавучих камышовых островах. В сумерках на руку Ирвин заполз большой лохматый паук.

– Привет! – сказала Ирвин.

Паук не ответил. Ирвин сидела долго, стараясь не шевелиться, но неловкое дыхательное движение напугало паука и он неуклюже побежал закапываться в песок.

На этой планете все было если не враждебно, то смертельно боялось ее. Живые существа не понимали язык друг друга. Они напрямую зависели от уничтожения себе подобных, потому что питались друг другом. Только растения умели извлекать энергию из солнца, но и они не желали с ней общаться.

Внезапно из леса ударила музыка и свет автомобильных фар. Она была не одна.

– Девушка, пойдете с нами! – двое парней приближались к ней с фонарем, – у нас шашлыки и музыка! Вы что пьете? Водку, пиво?

– Дурак что ли! – перебил его товарищ, – для девушек у нас вино! Пойдете с нами, у нас и девчонки есть, вам скучно не будет!

– Я не ем ваши продукты. – Попыталась объяснить Ирвин. – Я питаюсь энергией солнца.

– Типа вегетарианка? – уточнил один из парней, – может и дури немножко у тебя найдется? Я слышал, вегетарианцы совсем не против чего-нибудь покурить...

“Придется их убить”, – с ужасом и отвращением подумала Ирвин.

Директор очень гордился своим магазином. Если точнее, это был даже не магазин, а нечто среднее между ломбардом и антикварной лавкой. Мелкие воришки и суетливые наследники заваленных хламом квартир тащили сюда всякую старинную рухлядь. Директор принимал только то, что выглядело более-менее прилично. Продавал же он это добро местным кружкам художественной самодеятельности и туристам. Бизнес был убыточным, но в этом и была вся суть – магазин по очереди переходил из рук в руки и эти руки были нечисты, имели секреты перед налоговой службой и магазин был лишь одним из звеньев в цепочке грязных махинаций.

Еле как дотащив с вокзала тяжелый ящик, директор открыл его, бесцеремонно сорвав все пломбы, и вытащил на свет пыльного помещения манекен. Манекен был очень натуральный. Совсем человеческая наощупь кожа, совсем естественные глаза... Только безжизненное лицо и неподвижные суставы указывали на его природу.

– Удивительно. – Сказал директор. – Чего только не придумают на свете. Солдатик говорил, это для какой-то выставки, но в последний момент все отменилось. Это наверное, из-за китайцев. Там, наверху, поссорились с американцами и подружились с китайцами. Должно быть, пришлось всех этих красоток заменить на китайских болванчиков во имя международной дипломатии. Ладно, будешь охранять это хозяйство. Куда только тебя поставить...

Получив, наконец, четкую команду гуманоид проснулся. Черты лица девушки ожили, суставы приобрели подвижность.

– Задание получено, – сказала девушка совсем не механическим и Самым Приятным голосом на свете, – помогу, чем смогу.

От неожиданности директор споткнулся о валявшийся на полу корабль в бутылке. С полка полетели бюстик Иммануила Канта и макет Собора Парижской Богоматери. Меньше всего пострадала коллекция персонажей "Союзмультфильма" – игрушки были вязаные.

– Мать Божья. – Сказал директор. – Настоящий робот! Вот это я выиграл в карты! Надо этим очень выгодно распорядиться! Такого выигрыша больше не будет!

И директор не нашел ничего умнее, чем поставить робота за кассу.

У этого решения были неочевидные последствия. Как и предполагал создатель робота, его внешность бессознательно влекла всех мужчин без исключения. Раз заглянув в магазин,

они заходили туда снова и снова и, совсем потеряв голову, скупали все, что было на полках, совсем не думая о цене. Жертвой Афродиты технологической эры вскоре сам и стал директор.

С тех самых пор, как слово “робот” появилось в фантастической литературе, люди стали путать это слово со словом “раб”. Очень уж им по душе пришлось Три Закона Робототехники. Иметь в подчинении разумное существо, единственная цель которого – прислуживать тебе и оберегать тебя – ах, как это льстит нашему самолюбию! Но психология роботов намного сложнее. В неумелых руках даже самый миролюбиво настроенный робот представляет смертельную опасность.

И когда подвыпивший директор внезапно захотел использовать своего робота в качестве любовницы, его ласковые объятия стали последним, что он совершил в своей жизни – гуманоид просто свернул ему шею. При неумелом обращении первый и третий закон робототехники иногда меняются местами или начинают работать со знаком “минус”.

А девица-робот (за всю свою недолгую карьеру она так и не обзавелась никаким благозвучным именем) отправилась в путь. Она преодолела тысячи километров, и в пути первый и третий закон в ее голове вновь поменялись местами. Поэтому суммарно жертв оказалось всего две – вторым шею свернули дальнобойщику, перегонявшему грузовик с яйцами куда-то в сторону Казахстана. Грузовик перевернулся, яйца на жаре степной дороги попали в условия инкубатора, и из них вылупились тысячи цыплят. А инстинкт, или если хотите Программа, вели робота к единственной цели – встрече с *создателем*.

Долгушин долго ехал на маршрутке, пока не забрался в тот район города, где дом цыганского барона соседствует с храмом кришнаитов – в любом городе есть такой милый сердцу каждого жителя район, и именно в нем происходят все загадочные и мистические события. Этот случай не был исключением. *Амфиптерий* пасся на лужайке возле дома культуры “Металлист”. Причина того, что безногий дракон о двух крыльях не наделал паники в городе, состояла в том, что в это время суток все обитатели района либо отправились на работу в центр, либо мучались похмельем. Амфиптерия следовало изловить в первую очередь, поскольку исходя из комментариев “*Бестиария*” он был людоедом. Долгушин “*Бестиарию*” доверял полностью, ибо со времен его создания людские фантазии дальше архетипов не сильно продвинулись. Конкретно амфиптерий был плодом фантазии одного разработчика компьютерных игр, мимо жилища которого случилось на днях пройти Долгушину. Он материализовал фантазию разработчика неосознанно, занятый размышлениями о печальном будущем дома, где приютился офис “Общества” – дом признали аварийным.

“Чем же тебя заманить”, – пробормотал Долгушин, затем достал из кармана “*Бестиарий*” и начал в нем рыться.

Вообще-то монстры исчезали очень просто. Являясь порождением человеческих фантазий, они прекращали свое существование, когда источник фантазии переставал о них думать. Однако как заставить разработчика перестать думать об игре? Если ему сообщить о материализации, а еще лучше предоставить живое доказательство, разработчик потеряет сон и вовсе никогда не прекратит мыслей о чудовище! Оставалось только два выхода: уничтожить источник, чего гуманист Долгушин терпеть не мог, либо разорвать с ним ментальную связь. Железнодорожный тупик подходил для этого идеально, так как пути там были отсыпаны черным гранитом – *камнем мертвых*. Но как заставить амфиптерия забраться в тупик?

Автор “*Бестиария*” относительно заманивания амфиптериев указаний не давал. Тогда Долгушин на свой страх и риск решил применить формулу для *Аспида* – статья о последнем шла следующей в алфавитном порядке. Аспида предлагалось заманивать игрой на флейте. Долгушин достал флейту и наугад сыграл несколько нот. Нотной грамоты он не знал, мелодия

получилась так себе. Амфиптерий при звуках флейты распластался на газоне и закрыл скрытые в чешуе слуховые отверстия крыльями.

“Дабы заклинания либо игры музыкальной не слышать, так сворачивается, что одно ухо к земле прижимает, другое же хвостом себе затыкает. – Прочитал Долгушин. – Делает он так по образу и подобию богача, который одно ухо всегда к благам земным преходящим наставляет, другое же грехом затыкает”.

Оставив амфиптерия пасть на лужайке, Долгушин добрел до тупика и уселся на рельсах в окружении красочных граффити. На самом деле это были тени, оставленные при испарении объектов. Долгушин не был физиком и по простоте душевной называл их просто *“теньями”*.

Внезапно затылок Долгушина ощутил влажное и горячее прикосновение. Долгушин застыл от ужаса. *“Не оборачивайся”*, – строго сказал себе Долгушин. Впрочем он бы и так не смог этого сделать. Шея окаменела. Кажется, слюна амфиптерия содержала парализующее вещество. Долгушин достал флейту и начал играть. Со страху он даже вспомнил одну мелодию – песню про Сурка – и играл ее до тех пор, пока амфиптерий, благодаря камням, потерявший связь с источником, не испарился с характерным электрическим треском. На заборе появился очередной красочный рисунок.

– Вот ты где! – в лицо Долгушину ударил свет фонаря. – Пополнение в коллекции? Смотри, Серега, какой красавчик! Ты не думай, парень, я не против уличного искусства. Однако за вандализм надо отвечать! Согласовывать надо рисунки!

Так Долгушина задержали до выяснения обстоятельств. Ему грозил административный штраф. Однако Долгушин о нем не переживал. Денег он мог сотворить миллионы – требовалось только прислушаться к мыслям дежурного, хотя он мечтал, в основном, о долларах. Однако где-то в гаражах еще бродило стало *валлийских эльфов* – фантазия одной уличной художницы – и эти проказники уже подменили почти всех детей в местном роддоме...

Виталина начинала без гроша в кармане. Секрет ее успеха был прост. Она вкладывалась только в образование. Через пять лет изнуряющей практики в государственной и нескольких частных клиниках у нее появился свой кабинет и клиенты. Виталина бралась за все и однажды сколотила капитал, который позволил открыть клинику. Все остальные деньги она вкладывала в учебу. Вершиной ее достижений стала кандидатская степень, правда, в области социологии. Но пациентам об этом было знать не обязательно. В последнюю очередь у Виталины появилась квартира. И только тогда она задумалась о наследии.

Утром она, как ни в чем не бывало, отправилась на работу. Никто, даже она сама, не должен догадаться о том, насколько все плохо. Все, кто встречался ей этим утром, уважительно приветствовали Виталину Петровну. Сосед помог выгнать машину с парковки и отчитал заезжего таксиста, что собрался высказаться о женщине за рулем не в самых пристойных выражениях. Бариста из кофейни напротив уже сам вынес ее утренний капучино и получил щедрые чаевые. Старичок, бредущий из булочной с пакетом, сообщил, что она прекрасно выглядит. И Виталина была счастлива. Она почти забыла вчерашний приговор. Она возьмет девочку из приюта и воспитает ее. И хорошо, что она не согласилась на ЭКО. Мог бы родиться мальчик, а она понятия не имеет, как их воспитывать.

По дороге она, конечно же, встала в пробку. Пробка, разумеется, была из-за ДТП. А ДТП было с пострадавшими. Виталина, как есть, в норковой шубе и на каблуках, выскочила из-за руля, прихватив с заднего сидения кардиограф – она как раз собиралась завезти его в клинику. Пострадавший был в коме, и Виталина уложила его на бок, надежно зафиксировав шею. Бинтом из аптечки примотала явно сломанное бедро к здоровой ноге. И осталась ждать скорую. Не обращая внимание на очевидцев снимающих видео, с комментариями *“вот такая фифа из того “Порша” решила поиграть в доктора! Надеюсь до приезда скорой она его не угробит!”* Старалась не обращать. Она уже знала, что ее юрист найдет людей, разместивших

эти ролики в интернете, и вышлет им досудебную претензию. Она не была мстительной, вовсе нет. Но репутацией клиники рисковать нельзя. Подъехала скорая, загрузила пострадавшего в машину. Виталина поехала дальше. Ее утренний боевой настрой куда-то пропал и на смену ему пришло вчерашнее тупое отчаяние.

Секретарша бросилась ей на встречу со стопкой бумаг. Виталина подняла руку ладонью наружу. Обычно этот жест останавливал секретаршу. Но сегодня она все же заговорила с Виталиной Петровной о делах. Причиной такой бестактности была заявка на домашние роды в сопровождении лично Виталины Петровны. От VIP-клиентов, которые были готовы хорошо заплатить. Но Виталина понимала, что домашние роды – это криминал, а сама она так себе акушерка. Очевидно секретарша не могла решить эту деликатную проблему самостоятельно. Следовало предложить клиентам VIP-роды в дружественной клинике. С профессиональными акушерками, сопровождением партнера и всем, что пожелает роженица, включая йогу и психотерапевта. И разумеется, Виталина Петровна будет присутствовать, если клиент того пожелает. В сообщении, которое оставила клиентка для Виталины Петровны было обещание назвать ребенка ее именем, если родится девочка. Ведь Виталина Петровна “так много сделала для их семьи!”. Она прекрасно помнила, что именно сделала, и о чем никто, в первую очередь супруг и будущий отец не должен был догадываться. И от мысли, что на ее глазах произойдет то, что ей больше недоступно, из души Виталины убрались остатки утреннего настроения, уступив место мрачной озабоченности. В любом случае она собиралась в роддом. Ведь она хочет усыновить ребенка.

– Ты хорошо его знаешь. С какой он планеты?

Старуха остановилась. Целая туча мошкеры уселась на нее, привлеченная теплом и углекислотой, но старуха даже не попыталась поглотить бесплатный протеин.

– На той планете нет ни рассветов, ни закатов. Есть лишь Пекло и Багровые Сумерки. В редкий момент утренней прохлады температура падает до 500 градусов. Воздух дрожит от жары, густой и тяжелый, насыщенный парами металлов. Не воздух, а раскаленный кислотный туман.

– Разве можно жить в таком мире?

– Конечно, нельзя! В причудливых наплывах обсидиана и серы были созданы искусственные экосистемы. Местные называют свои города Стеклянными Лесами. Во время Пекла породы плавятся, а в Багровые Сумерки мгновенно застывают, создавая целые поля острых, как бритва, и прозрачных игл и вздыбленных волн из стекла. Они искрятся кровавым светом, пока звезда-хозяин – багровый гигант – пульсирует на полнеба, а гигантские протуберанцы из раскаленной плазмы медленно извиваются на ее поверхности, словно щупальца. От нее исходит не свет, а всепоглощающий жар и зловещее багровое сияние, которое окрашивает мир в цвета расплавленного железа и ярости...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.